

СУРНЕАД

ГОРА ПРОБЛЕМ

ИГРАЮТ БОЛЕЕ
СУРНЕАД
4 МЛН ЧЕЛОВЕК!

РОН БЕЙТС

Иллюстрации Лэнса Миллера, Studio MDHR

Рон Бейтс
CUPHEAD. Гора проблем
Серия «CUPHEAD.
Книги по игре», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66858898
CUPHEAD. Гора проблем: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-162324-1*

Аннотация

Чашек уже целую вечность с нетерпением ждал поездки в лагерь Вопплер-Крик. Ему не терпится пострелять из лука, поплавать в озере, посидеть и просто ничего не делать. Когда он и его лучшие друзья, Кружек и мисс Чаша, приезжают в лагерь, они узнают о жестком соперничестве лагеря с соседями, лагерем Гаденбуден. К тому же грозный великан, Суровый Камень, много лет назад наложил проклятия на оба лагеря. Оно гласит, что лучший из двух лагерей сможет остаться и жить в гармонии с природой. А вот худший из двух будет разрушен!

Вопплер-Крик и Гаденбуден вот-вот сойдутся лицом к лицу в состязании. Но однажды ночью Чашек и его друзья случайно разбудили Сурового Камня. И что же теперь будет? Сумеют ли наши друзья выйти сухими из воды и не допустить разрушения Вопплер-Крика?!

В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

1. Спишем всё на лето	6
2. Готовы ко всему	16
3. Неровная дорога	25
4. Вот это и есть лагерь?	43
5. Директор Нетам, тут что-то не то!	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Рон Бейтс

CUPHEAD. Гора проблем

Посвящается Лоретте Скотт Кру, благодаря которой сидеть вокруг костра стало в миллион раз лучше. Спасибо за сморы.

Рон Бейтс

Посвящается Дутицену, Хансу и Хьюго.

Пусть ваши жизни будут полны чудесных историй.

Папа и мама

Ron Bates

CUPHEAD IN A MOUNTAIN OF TROUBLE

© 2020 StudioMDHR Entertainment Inc. All Rights Reserved. Cuphead™ and StudioMDHR™ are trademarks and/or registered trademarks of StudioMDHR Entertainment Inc. throughout the world.

Art & Story Direction by Studio MDHR. Cover design by Ching N. Chan & Studio MDHR. Cover illustration by Studio MDHR's Lance Miller.

Little, Brown and Company is a division of Hachette Book Group, Inc. The Little, Brown name and logo are trademarks of Hachette Book Group, Inc.

© Захаров А.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1. Споем всё на лето

Открыв глаза, Чашек увидел медведя. Как медведь пробрался в домик, оставалось только гадать, но это сейчас не имело значения. Важнее, что вот он стоит огромный, как сама жизнь, нависает над гамаком, в котором забылся блаженным сном Чашек. Медведь был большим – как и положено медведям, которые пробираются в домики, – и вы знаете, что сделал Чашек? Ну, он сделал ровно то же, что и любой на его месте, проснувшись и увидев перед собой зубы размером с клавиши пианино.

Он зевнул.

Это, конечно, само по себе не необычно; очень многие зевают, проснувшись с утра. Это очень приятный способ начать день. Что же касается медведя, он улыбнулся, поправил галстук-бабочку (о, да, кстати, на медведе был галстук-бабочка) и взял в лапы большой сочный ананас. Он потряс фрукт возле правого уха, потом возле левого, немного сдавил, чтобы соскочила верхушка, и аккуратно вставил в него

трубочку с маленьким зонтиком.

Медведь протянул прохладительный напиток Чашеку, и тот сделал долгий, смакующий глоток.

– Открыть вам дверь, сэр? – спросил медведь.

– Не беспокойтесь, я пойду короткой дорогой, – сказал Чашек и выпрыгнул из окна.

Единственной проблемой здесь было, что именно это окно располагалось на третьем этаже (да, домик был очень большой), и казалось, что Чашек упадёт и ужасно расшибётся. Но так уж вышло, что прямо под ним весьма важного вида барсук толкал к своей норе только что купленную кровать на ножках. Так что после бодрящего полёта Чашек совершил самую мягкую за долгое время посадку, отскочил от матраса, словно от трамплина, и приземлился прямо на ноги.

На улице стоял замечательный день, так что он пошёл погулять, и где бы ни проходил, везде видел что-нибудь весёлое. Лошади кидали подковы, подковы кидали лошадей, муравьи устроили пикник, жвачные деревья выдували пузыри всех форм и размеров. Крабы шкрябались, хлеб батонился, краны бросались наутёк, коробки робко прятались, кроссовки бежали кросс, шмели исполняли «Полёт шмеля», а целая толпа лягушек-быков играла в нечто под названием «квакет» (правила там такие же, как в крокете, а вот шума намного больше).

Впереди Чашек увидел своего брата Кружека, который давал курам уроки полётов. Одну за другой он загружал их

в гигантскую пращу и запускал в стратосферу, и они, словно бомбардировщики, сбрасывали яйца на заранее заданные цели. А мисс Чаша, которая была отличной лучницей, разбивала стрелами яйца на лету, ловила желтки на сковородку и готовила завтрак. Когда мимо прошёл Чашек, она положила яичницу прямо ему на тарелку, и он поел, даже не оставиваясь.

Наконец он дошёл до большого вяза, прямо на стволе которого крепилась кнопка с надписью «Вверх». Чашек никогда не мог пройти мимо хорошей кнопки, так что тут же нажал её, и вскоре перед ним открылись две двери, как в лифте. Он вошёл внутрь. Через мгновение он поднялся на самую верхушку дерева, прошёл по длинной, пружинистой ветке и подпрыгнул – не один, не два, а целых три раза, потом идеально, рыбкой, спрыгнул в озеро (да, точно, прямо у дерева было озеро) и погрузился в прохладную, чистую воду. Вынырнув, он оказался на водных лыжах, и его потянул за собой катер, которым управляли два дружелюбных бобра. Быстро сделав круг по озеру, он одним прыжком выскочил на берег, нацепил солнечные очки и плюхнулся в шезлонг под большой, яркой неоновой вывеской:

ЛАГЕРЬ ВОППЛЕР-КРИК
ОТЛИЧНОЕ МЕСТО, ЧТОБЫ СИДЕТЬ И НИЧЕГО
НЕ ДЕЛАТЬ
(ШАТАТЬСЯ БЕЗ ДЕЛА ЗАПРЕЩАЕТСЯ)

Чашек лежал, попивая ананасовый сок и расслабляясь под

приятным ветерком, и тут самая прекрасная певчая птица из всех, что он видел, открыла чудесный клюв, и...

– Чашек! ЧАШЕК!

Ой. Что-то это не похоже на певчую птицу. Больше напоминало голос профессора Люсьена – потому что, собственно, им и являлось. Лагерь Вопплер-Крик и все его замечательные развлечения исчезли, и Чашек оказался за совершенно обычной партой, окружённый такими же совершенно обычными одноклассниками.

Профессор Люсьен, стоявший у доски, был явно чем-то раздражён.

– Чашек, – строго сказал он, – если ты не слишком занят грёзами наяву, может быть, всё же выйдешь к доске и покажешь нам решение задачи?

Задачки? По математике? В последний учебный день? Нет, профессор же шутит? Чашек не мог и не хотел ничего решать. Он уже выбросил из головы всё, что хоть отдалённо относилось к учёбе. Весь вчерашний вечер он провёл, избавляя мозги от истории, арифметики и прочих ненужных вещей вроде местоположения его шкафчика в раздевалке на физкультуре. Поймите, на самом деле он и сам был этому не очень рад, но нужно ведь освободить место для куда более важных вещей – например, лагерных прозвищ. В конце концов, нельзя же приехать в такое крутое место, как лагерь Вопплер-Крик, не вооружившись классными прозвищами, которыми можно кидаться направо и налево? Он уже

составил целый список: Ходулька, Кудряшка, Шейка-Карандашка, Вумная Вутка, Коротышка, Лунный Лучик, Книжный Червь и Лимонадик. Ему не терпелось найти в лагере кого-нибудь, кому подойдут эти клички. Так что в данный момент любой вопрос, который никак не связан с прозвищами, казался ему всего лишь пустой тратой времени.

Он удивился, что профессор Люсьен, один из самых умных жителей Чернильных островов, не понимает такой простой вещи. Но, с другой стороны, никто не идеален.

– Ты слышал меня, Чашек? – спросил профессор.

– М-м, да, слышал, – ответил Чашек. – Я просто, ну, шнурки завязываю.

Профессор Люсьен потёр ладонями свою лампочку.

– У тебя нет шнурков, Чашек.

Да, верно подмечено. Чашек посмотрел на свои ноги.

– Ой, – наконец ответил он. – Наверное, именно поэтому я их завязываю так долго.

Выбора у него больше не осталось, так что он кое-как выбрался из-за парты и медленной, мучительной поступью направился к доске. По пути он изо всех сил старался не думать о лагере Вопплер-Крик, потому что тогда решать математику будет в тысячу раз сложнее, но...

– *Пс-с-с-с-ст*, Чашек, – шепнула Чаша. – Помнишь секретное вопплер-крикское рукопожатие?

Чашек вздохнул. Чаша была его самой лучшей подругой во всём мире, но у неё была очень неприятная привычка –

втягивать его в неприятности. Хотя бы вот сейчас. Она отлично знала секретное вопплер-крикское рукопожатие: два раза встряхнуть руку, крикнуть как олень, потом ударить друг друга по голове резиновым молотком. Господи, да они десять раз это уже пробовали! Но, как и все остальные в классе, она просто лопалась от нетерпения перед поездкой в лагерь и хотела убедиться, что всё пройдёт хорошо. Конечно же, Чашек бы с радостью ей помог, но хуже времени она выбрать просто не могла. Профессор Люсьен же ждёт! Так что когда Чаша протянула руку, Чашек проигнорировал её, ненадолго выбросил лагерь из головы и попытался вспомнить, как же выглядит знак «плюс».

Вот он уже и у доски.

– Итак, Чашек, – сказал профессор Люсьен. – Если A равно трём, B равно девяти, а C равно двадцати семи, чему равно D ?

Как странно. Чашек видел, как двигаются губы его учителя, но вот слетала с этих губ какая-то невысказанная тарбарщина. *A равно трём? B равно девяти?* О чём он вообще говорит? Почему мешает между собой цифры и буквы, хотя даже первоклассник знает, что это совсем разные вещи? Чашеку стало жаль бедного профессора. Может быть, ему нужно уйти в отпуск и съездить в какой-нибудь чудесный лагерь с медведями-дворецкими, и вязами-лифтами, и лягушками-быками, которые играют в...

Нет, нет, нет, нет, нет! Нельзя об этом думать сейчас!

Чашек должен сосредоточиться на математической задаче! Так что он стиснул зубы и зажмурил глаза, отчаянно пытаюсь выдавить из головы всё, что связано с этим дурацким лагерем Как-Там-Его-Называют. А потом, решив, что готов, он взял мел и написал на доске большую букву D , затем с надеждой взглянул на профессора. Профессор Люсьен сложил руки на груди и притопнул ногой. Так что рядом с буквой D Чашек нарисовал две параллельные чёрточки, которые, как ему с трудом вспомнилось, означали знак «равно». Ему очень понравилось, как он нарисовал этот знак. Но вот что забавно. Он никогда раньше не замечал, что знак «равно» так напоминает водные лыжи. Сходство просто невероятное. И, если уж говорить о водных лыжах, он знает одно местечко, где замечательные трассы, маленький кусочек рая под названием лагерь Вопплер...

НЕТ, НЕТ, НЕТ! Это не водные лыжи, а просто знак «равно». Обычный, простой, унылый как сухой готовый завтрак знак «равно», и он никак не связан ни с моторными лодками, ни с бобрами, ни с лагерем, название которого Чашек совершенно точно не помнит. Хватит уже всех этих глупостей! Он пристально смотрел на уравнение, записанное на доске, надеясь на чудо. И к его вящему удивлению, он даже был почти готов назвать ответ, но тут...

– Пс-с-с-с-с-с-т!

Он услышал шум.

– Пс-с-с-с-с-с-с-с-с-с-с-с-с-с-с-т!

зья помахали профессору на прощание, пересекли доску на своей лодке и уплыли через дверь.

2. ГОТОВЫ КО ВСЕМУ

был жуткий тон, и у Чашека засосало под трубочкой. Он не хотел сделать ничего плохого: ему просто не терпелось скорее поехать в летний лагерь, и он уже начал практиковаться в ловле диких животных.

Чашек опустил глаза в пол.

– Прости, – сказал он.

Старина Чайник вздохнул и покачал головой.

– Да уж, прощения попросить стоит, – проворчал он. – Ты вот это называешь силком?

– Что? – удивился Чашек.

– Силок, мальчик мой. Силок! – повторил старый чайник. – Он никуда не годится. Смотри, какая хлипкая верёвка! Да, чтобы поймать твоего брата, подойдёт, но что, если Кружок был бы гиппопотамом? Или горбатым китом?

– Или торговым автоматом, – добавил Кружок, размеренно покачиваясь в силке.

– Или торговым автоматом, – согласился Старина Чайник. – Это же дикая природа, мальчик мой! Ты должен быть готов ко всему. Ох, помню, я и сам ездил в Вопплер-Крик. Да я там ловил дичь вдвое крупнее Кружека! Вот, смотри, как это делается.

И следующий час с четвертью Чашек вместе со Старинной Чайником мастерили силки и ловили в них Кружека и других свирепых обитателей дома: столовый сервиз, два кресла с подлокотниками, швейную машинку, вешалку для пальто и вежливого молодого человека, который стучится ко всем

и предлагает купить пылесос.

Когда они закончили, Старина Чайник налил себе чаю и присел за недавно освобождённый кухонный стол.

– Лагерь Вопплер-Крик! – гордо сказал он. – Ребята, вас ждёт потрясающее лето. О, как бы я хотел поехать с вами!

Старина Чайник всё говорил и говорил о лагере Вопплер-Крик, делясь приятными воспоминаниями. Конечно, всё это было много лет назад, но сейчас-то наверняка всё стало даже лучше.

– О, как мы веселились, – вспоминал он. – Я, Верстак, Пухляш, Скутер – вся наша банда.

Верстак? Пухляш? Это же лагерные прозвища! Чашек вдруг очень разволновался.

– А у тебя было прозвище, Старина Чайник? – спросил он.

Старина Чайник почесал подбородок.

– Так, дай-ка подумать. Давно дело было, знаешь ли, – сказал он. – Ах да: Йо-Йо. Меня все называли Йо-Йо.

Йо-Йо. Отличное прозвище! Чашек решил, что стоит его запомнить.

– А почему тебя называли Йо-Йо? – спросил Кружок. – Ты умеешь делать замечательные трюки?

– Умею ли я делать замечательные трюки? – прорычал Старина Чайник, выхватил из кармана йо-йо, раскрутил его... и понял, что на самом деле не умеет делать никаких замечательных трюков. – Ну, это не важно, потому что Йо-Йо меня прозвали не за это. Меня прозвали Йо-Йо за то,

Чайника. Кружек ни за что бы не обидел Старину Чайника.

Что касается Чашека, то он тоже заплодировал. Потому что это вежливо. Кроме того, он раньше никогда не слышал йодля – может быть, он так и должен звучать? Он попытался придумать, что бы такого хорошего сказать, но не смог. А потом Старина Чайник с тёплой улыбкой и весёлым взглядом повернулся к нему, и Чашек вдруг понял, что же нужно сказать.

– Ты один на миллион, Йо-Йо.

Это, по крайней мере, было правдой.

Чайник улыбнулся и скромно поклонился.

– Ну, ребята, пора вам, пожалуй, собираться, – сказал он. – Уже почти самое время.

Он был прав. Автобус мог приехать с минуты на минуту. Чашек поверить не мог, что это происходит. Они едут в лагерь Вопплер-Крик! Он пошёл по лестнице и поднялся до половины, но тут заметил, что Кружек не идёт за ним. Его брат стоял в гостинной как вкопанный и тарасился на Старину Чайника.

– Это же хороший лагерь, правда? – наконец спросил он.

Старина Чайник нахмурился. Паренёк что, вообще его не слушал? Как вообще можно спрашивать такое? Но потом он вспомнил, что Кружек ещё совсем юн, и это будет для него первое приключение вдали от дома, а это нелегко даже для очень смелых чашек и кружек. Его круглое старое лицо смягчилось, он улыбнулся и ободряюще положил руку на плечо

Кружеку.

– Хороший? О, он просто образцовый. Лучший лагерь во всём мире. Там самые дружелюбные сотрудники, самые удобные домики и самая вкусная еда, что ты когда-либо пробовал. Тебе вообще не о чем беспокоиться, мальчик мой.

Кружек испытал явное облегчение.

– Ну, не считая всяких плохих вещей, – сказал Старина Чайник.

Кружек сглотнул. Его брат медленно спустился с лестницы.

– Плохих вещей? – переспросил Чашек.

– Я сказал «плохих вещей»? – пробормотал Старина Чайник. – Нет, я имею в виду ужасные вещи. Отвратительные. Гадкие букашки, каменные глыбы, падающие с гор, ядовитые растения и, конечно, гаденбудены. О, поверьте мне, встретиться с гаденбуденами вам захочется меньше всего на свете.

Чашек нетвёрдыми шагами пересёк комнату и встал перед своим опекуном.

– М-м-м, – проговорил он, – а кто такие гаденбудены?

Старина Чайник ахнул.

– Кто такие гаденбудены? О, хуже гаденбуденов вы там никого не встретите! Настоящие злодеи, вот кто они. Поверьте мне на слово, гаденбудены – ваш худший кошмар.

Но прежде чем Старина Чайник успел объяснить подробнее, с улицы донёсся жуткий звук, словно кто-то лязгал, пле-

вался и скрёб по земле одновременно. Когда Чашек открыл входную дверь, он увидел старый скрипучий маршрутный автобус. Из одного из окон высунулась Чаша.

– Чего вы ждёте? – крикнула она. – Вперёд!

В мгновение ока Чашек и Кружек бросились вверх по лестнице. Когда они снова спустились, на них были огромные рюкзаки, набитые всем, что совершенно необходимо в лагере. Там лежали удочки, теннисные ракетки, комиксы, фотоаппарат, походные ботинки, солнцезащитные очки, спальные мешки, аквариум с золотой рыбкой и две смены белья. Крикнув «Пока!» Старине Чайнику, они бегом выбежали на улицу.

– До свидания, ребята! Желаю отлично провести время, – сказал Старина Чайник. – И – да! – я почти забыл. Опасайтесь проклятия горы!

– Проклятия? – переспросил Кружек, резко затормозив. Автобус завёл мотор.

– Кружек? – позвал Чашек.

Но его брат не двинулся с места. Автобус начал набирать ход.

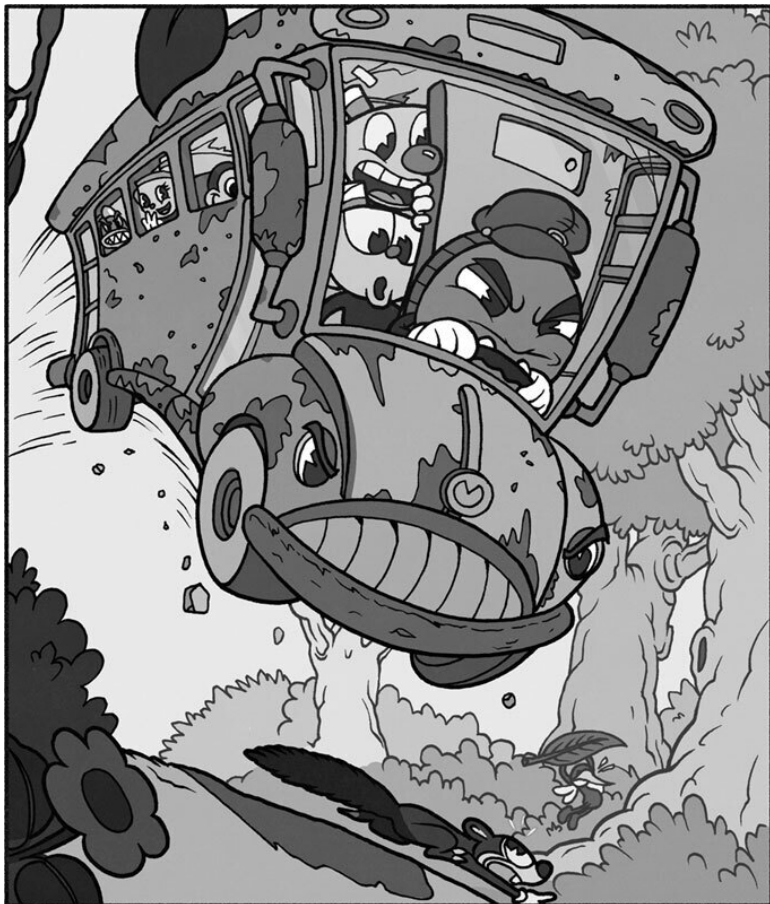
– Кружек? – повторил Чашек. – Кружек!

На третий раз он схватил младшего брата за воротник и потащил его к открытой двери автобуса, в который они и запрыгнули на полном ходу.

– Уф! Успели, – воскликнул Чашек. Казалось, что впервые за долгое время все проблемы остались позади.

Но, конечно же, на Чернильных островах всё редко бывает так, как кажется.

3. Неровная дорога

– Номер четыре, – сказал водитель автобуса.

Чашек точно знал, что это водитель автобуса, потому что он сидел за рулём и на нём была маленькая кепочка. А ещё он был круглым и блестящим, но это как раз не важно, потому что водители автобусов бывают самых разных форм и размеров.

– Что, простите? – спросил Чашек.

– Номер четыре! – повторил водитель и показал на листок бумаги, прикреплённый к ширме, стоящей за его сиденьем.

Чашек посмотрел на листок. Он был жёлтый, с большими чёрными буквами сверху. Надпись гласила: невероятно важные и серьёзные правила для пассажиров автобуса! Как видите, мы использовали восклицательные знаки и очень дорогую бумагу. Вот насколько эти правила важны!

Ну, вам, в общем-то, любой скажет, что жёлтая бумага с восклицательными знаками – это очень серьёзно. Чашек глянул на водителя.

– Вы имеете в виду, что я должен прочитать правило номер четыре? – спросил Чашек.

Водитель закатил глаза и поднял четыре пальца. Этот ответ явно не помог.

Тогда Чашек пожал плечами и продолжил изучать жёлтый лист. Там был список правил, пронумерованных от первого до тридцать седьмого, куча знаков препинания и ни одной картинки. И, поскольку любой список из тридцати семи пунктов с правильной пунктуацией и без картинок – явно очень официальный, Чашек решил, что лучше будет начать с самого начала.

На первой строке было написано:

правило номер 1. зайцем ездить запрещается! если ты едешь без билета, то стыдись. мы в очень грубой форме потребуем от тебя выйти. а ещё ты не сможешь прочитать все остальные правила.

«Сурово, но честно», – подумал Чашек и посмотрел на следующее правило.

правило номер 2. запрещается распевать глупые дорожные песенки.

– Под глупыми дорожными песенками вы имеете в виду... – начал было он, но водитель жестом прервал его и показал на правило номер три.

не задавать водителю дурацких вопросов.

Чашек хотел спросить водителя, откуда он знает, что его

вопрос дурацкий, но потом задумался, не будет ли этот вопрос ещё более дурацким. В конце концов, он не хотел заработать себе репутацию нарушителя правил ещё до того, как они доедут до лагеря. Так что, закрыв глаза на грубость водителя, он перешёл к правилу номер четыре.

мы потратили немалые деньги, чтобы оснастить это транспортное средство специальными устройствами для сидения под названием «сиденья». и если ты не будешь ими пользоваться, водитель будет очень раздражён.

– Прочитал правило номер четыре? – спросил водитель, и без того уже раздражённый.

– Да, – сказал Чашек.

– Молодец, – ответил водитель. – А ТЕПЕРЬ САДИСЬ!

Автобус вдруг наехал на ухаб. Мальчиков подбросило в воздух, они пролетели по проходу и плюхнулись прямо на специальное устройство для сидения. Повернувшись, они увидели Чашу.

– Смотрите-ка, кто пришёл, – сказала она. – Вижу, вы уже познакомились со Старым Весельчаком.

Она, конечно же, имела в виду водителя. Называть его так было, разумеется, странно, не только потому, что его звали Квинт – а звали его именно Квинт, – но и потому, что он ни разу даже не улыбнулся с тех пор, как они сели в автобус. Понимаете ли, Чаша высказалась саркастически – имела в виду полную противоположность тому, что говорила,

например, как если бы назвала креветку Гигантом или ко-та-сфинкса Лохматиком. Такое случается чаще, чем вы думаете, и обычно звучит очень обидно.

– А, да он просто брюзга, – ответил Чашек. – Не беспокойся из-за него. Когда мы приедем в лагерь, всё будет просто волшебным, верно, Кружек? Кружек?

Но Кружек не слушал. Он смотрел куда-то вдаль, словно во сне, и в его голове крутился всего один вопрос.

– Чашек, что Старина Чайник имел в виду под «проклятием горы»? Что он имел в виду, Чашек? – спросил он.

Ах да, проклятие. Чашек настолько разволновался, сев в автобус, что совершенно о нём забыл.

– Кто знает? Скорее всего, какая-нибудь дурацкая старая легенда, – ответил он брату. – В лагерях постоянно рассказывают такие байки – это тоже часть веселья. Просто подожди и посмотри. Уверен, нас попытаются напугать какой-нибудь чушью о старом проклятии, как только мы приедем в лагерь. И как только тебя ею напугают, можешь смело идти в столовую и намазывать её на бутерброд, потому что чушь эта не простая, а на постном масле!

Чашек, как старший брат, знал всё о таких вещах, так что Кружек сразу почувствовал себя намного лучше. Что же касается Чаши...

– Столовая? – спросила она.

– Ну да, там, где нас кормят.

– Звучит аппетитно, – сказала Чаша.

Примерно в это время автобус наехал на ещё один ухаб, и все подскочили на местах, словно зёрнышки попкорна на горячей сковородке.

– Кстати, насчёт «звучит», – проговорила Чаша. – Звучит что-то этот автобус не очень.

– Да и выглядит не очень, – добавил Кружек.

– И пахнет не очень, – добавили все, у кого был нос.

Чашек тоже думал об этом же. Он не знал, почему, но думал, что автобус должен быть таким же потрясающим, как и всё остальное в лагере Вопплер-Крик. Но у этого автобуса шины были почти лысыми, бамперы шатались, рессоры проржавели, а пахло в нём как от горячей бейсбольной перчатки. Кроме того, с борта отвалилось несколько букв, так что надпись гласила, что едут они в лагерь опп ер-кри, что звучало как-то совсем уж несуразно. Ну, или же они на самом деле сели в другой автобус и на самом деле едут в ЛАГЕРЬ ОПП ЕР-КРИ.

Мотор звучно рыгнул, и весь автобус наполнило чёрным дымом.

«О, пожалуйста, пусть ЛАГЕРЬ ОПП ЕР-КРИ действительно существует», – подумал Чашек.

Когда дым рассеялся, друзья бросились к окну, чтобы глотнуть свежего воздуха. Оглянувшись назад, они увидели, как исчезает вдаль их маленький городок. Они ехали по загородной дороге, и вместо домов и зданий видели цветы, лужайки и деревья. День стоял чудесный, и одного взгляда на

прекрасные пейзажи Чернильных островов им хватило, чтобы снова обрадоваться, что они едут в лагерь.

– Знаете, этот автобус не так уж и плох, – сказала Чаша. – Надо только немного развлечься. Эй, слушайте, может быть, сыграем в «Глянь-ка, глянь-ка»?

Все пассажиры автобуса, как один, вскочили на ноги, затопали, захлопали в ладоши и радостно закричали. Нет лучшего способа убить время, чем выглянуть в окно и намёками попытаться рассказать остальным, что ты там видишь. Но едва Чаша открыла рот, чтобы сказать: «*Глянь-ка, глянь-ка, я вижу что-то круглое как печенька*», её перебил водитель, особенно громко прокашлявшись.

– Ну уж нет, барышня! – сказал Квинт и улыбнулся (такое впечатление, что впервые в жизни). – Правило номер девятнадцать!

Чашек, прищурившись, посмотрел на жёлтый лист. Да, в самом деле:

правило номер 19. никаких игр, особенно таких, в которых надо на что-то смотреть. перенапряжение глаз – это совсем не весело!

Все дружно застонали. Они уже начали думать, что долго сидеть в автобусе – не так и весело, как им поначалу казалось. Можно же попробовать хоть что-то? В окнах мелькали дорожные столбы; они пытались развлечь себя рисованием на лицах, пальчиковыми куклами, вязанием, выдуванием из стекла, чечёткой, высокой кухней, боулингом и даже

реконструкцией великих морских сражений, но каждый раз Квинт поднимал руку, хмурился и строго показывал на жёлтый лист.

– Этот водитель становится настоящей занозой в специализированном устройстве для сидения, – сказал Чашек.

Кружек кивнул, потому что был совершенно с ним согласен. А вот Чаша просто ухмыльнулась.

– Оставьте его мне, – сказала она.

Подмигнув ребятам, она сползла со своего сиденья. Вдруг она появилась в дальнем конце автобуса, одетая в короткую курточку и маленькую плоскую шляпку.

– Телеграмма! – воскликнула она.

А потом снова исчезла. Через секунду Чаша появилась в другом ряду.

– Телеграмма!

А потом в следующем.

– Телеграмма!

За несколько секунд она успела выскочить из шести чемоводанов, трёх ланчбоксов и даже бардачка. Квинт стрелял глазами с места на место, пытаясь найти её, но она всегда оказывалась чуть быстрее. А потом, когда он окончательно упустил её из виду, послышался громкий *БАМ!*

Чаша сидела на лобовом стекле. «*Телеграмма!*» – безмолвно произнесла она.

Квинт даже не заметил, как она уселась прямо на руль.

– Телеграмма для мистера Квинта, – сказала она.

– Мистера Квинта? О, да это же я!

Нельзя укорять водителя за то, что он так разволновался. Такие недружелюбные люди, как Квинт, редко получают хоть какую-то почту, не говоря уж о телеграммах. Он быстро расписался в ведомости, и Чаша, как настоящий профессионал, протянула ему аккуратно запечатанный конверт.

– О боже, о боже, о боже, о боже, о боже! – пропищал Квинт и потянулся к телеграмме.

И тут Чаша отдернула её.

– *О-о-о-о-о*, вы только посмотрите, – сказала она. – Как прискорбно. Я бы с большим удовольствием отдала её вам, но – чёрт побери! – это против правил!

И она сунула конверт обратно в карман.

– Подождите! – взмолился Квинт. – Здесь, должно быть, какая-то ошибка.

Но Чаша покачала головой и показала на важный жёлтый лист с тридцатью восемью важнейшими и серьёзнейшими правилами. Что такое? Вы думали, что важнейших и серьёзнейших правил было всего тридцать семь? Ну-с, поздравляю, вы совершенно правы. Их *было* всего тридцать семь, но когда Квинт посмотрел в список, он увидел, что в самом низу что-то приписали ярко-красным карандашом.

правило номер 38. никаких телеграмм!!!

Лицо Квинта стало цвета перезрелого помидора. Он что-то пробормотал. Потом заворчал. Потом оцетинился, ощерился и даже заколдовался.

Чашек скорчил гримасу. Он никогда не пасовал перед трудностями, а сейчас ему кровь из носа надо добраться до лагеря Вопплер-Крик, и его ничто не остановит – даже холм Кровь-из-Носа.

– Старушку просто нужно немного подбодрить! – крикнул он. – Ребята, давайте поможем ей!

И хотите – верьте, хотите – нет, но все – вообще все, не только ребята, которые ехали в лагерь, но и «Четыре Мела» и даже Квинт – начали громко скандировать:

– Ты всё сможешь! Ты всё сможешь! Ты всё сможешь!

Это был настоящий боевой клич, который вдохновил бы даже самое робкое четырёхколёсное существо. И, словно по волшебству, старая маршрутка почувствовала прилив сил. Да ещё какой – от бампера до бампера! Она прищурила фары, стиснула решётку радиатора и с грохотом, лязгом и стуком покатила вперёд.

Пассажиры очень обрадовались.

– Всё ты можешь! Всё по силам! Всё ты можешь! Всё по силам! – пели они.

Их слова заполнили бензобак, словно музыкальное топливо. Мотор ревел, шины дымились, а по лобовому стеклу ползли капельки пота, но могучий автобус продолжал подниматься!

– Ты почти смогла! Ты почти смогла! Ты почти смогла!

С каждой секундой они приближались к своей цели. Чашек высунул голову из окна и понял, что уже видит вершину

холма! Пассажиры дружно захлопали, а потом...

– Ой-ой... ой-ой... ой-ой-ой! – пропыхтела маршрутка.

Они покатались обратно.

И, как вы понимаете, не просто покатались, а понеслись под гору на полной скорости. Автобус всё разгонялся и разгонялся, но отважные пассажиры продолжали петь:

– *Мы разобьёмся! Мы разобьёмся! Мы разобьёмся!*

И когда казалось, что хуже уже быть не может, стало ещё хуже. Визжа тормозами, крутясь и подпрыгивая, автобус слетел с дороги прямо в пропасть. Под крики пассажиров он летел вниз, вниз, вниз, а потом вдруг...

ПЛЮХ!

Они приземлились. Ну, если сказать точнее, они не *приземлились*. Скорее, воткнулись в землю – и именно поэтому автобус стоял прямо, словно свечка на праздничном торте.

– По-моему, мы упали в дыру, – проговорил Чашек.

Вполне логичный вывод – они явно в чём-то застряли, а в дыре, как вы сами понимаете, можно застрять куда надёжнее, чем в чём-либо другом.

Но Фляжка Хьюз, его одноклассник, хорошо разбиравшийся в геологии, покачал головой.

– Это не дыра, – сказал он, поправляя очки с толстыми линзами и туже закручивая пробку. – Это гейзер.

Он, конечно же, был прав. Это был гейзер, к тому же не просто гейзер, а Старый Плевака – самый плевучий гейзер в мире (по крайней мере, именно так говорилось на реклам-

ных плакатах, мимо которых они проезжали. А сейчас они застряли прямо в его жерле. О, какая ужасная передрыга! Они не только не могли ехать дальше (Квинт в ярости жал на газ, но автобус никуда не двигался) – им угрожала вполне реальная опасность.

Видите ли, несмотря на замечательную репутацию среди туристов, гейзеры совершенно не дружелюбны. Они отличаются крайне горячим нравом и в любой момент могут вскипеть. Скорее всего, вы слышали истории о том, как они шипят и пузырятся, а потом, стоит их хоть чуть-чуть спровоцировать, выбрасывают в воздух потоки пара и обжигающе горячей воды.

– Мы тут сваримся! – воскликнул Кружек.

Это заявление вызвало в вертикально стоящем транспортном средстве настоящий бунт.

Ребята бросились к водительскому месту и окружили Квинта.

– Это всё вы виноваты! – крикнула Джинджер. Обычно она была очень милой пряничной девочкой, но сейчас ей почему-то очень захотелось хоть кого-нибудь во всём обвинить. – Зачем вы разорвали эти правила? О, наши драгоценные, чудесные правила!

Сейчас, оглядываясь назад, все согласились, что правила на самом деле были очень честными и справедливыми, а Квинт, проявив потрясающую безответственность, приговорил их всех к смерти.

– Я?! – прорычал Квинт. – Эй, это не я же...

Он не закончил мысль. Продолжать казалось бессмысленным, потому что даже самый громкий и гневный его крик не мог соперничать с тем, что сейчас звучало снаружи автобуса.

Рокот – низкий, глубокий, ужасающий рокот. Чашек осторожно приоткрыл окно.

– Извините, м-м-м, Старый Плевака, сэр, – сказал он. – Мы, похоже, застряли на вашем лице.

Гейзер ничего не ответил, но земля затряслась, а рокот стал громче. Чашек схватился за раму.

– Но, так или иначе, – продолжил он, – раз уж вы, скорее всего, очень заняты, а нам надо спешить, вы не могли бы нас...

– ЧТО Я НЕ МОГ БЫ? – загрохотал гейзер.

Чашек сглотнул.

– Ну... подтолкнуть.

Сначала ничего не произошло. Потом земля снова затряслась, сильнее прежнего, и ребята услышали звук, который ни с чем не перепутаешь, – громкий смех.

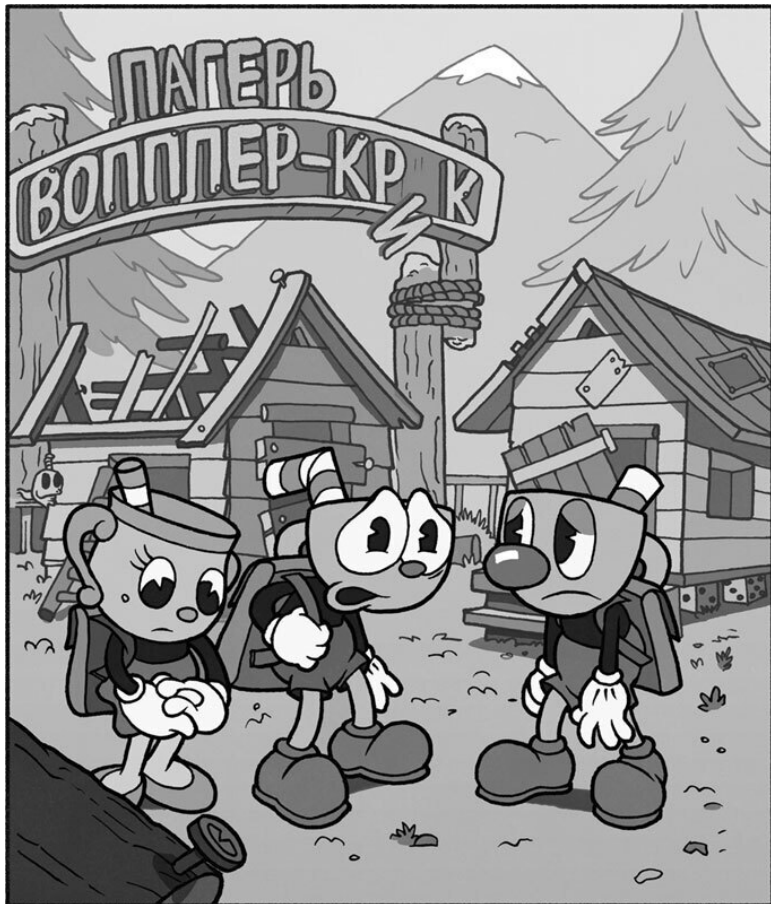
– ХА! ХА! ХА! ХА! ХА! – захохотал Старый Плевака. – ПОДТОЛКНУТЬ ВАС, ЗНАЧИТ, А? КОНЕЧНО, Я ВАС ПОДТОЛКНУ!

И безо всякого предупреждения старый хвостун выпустил огромные клубы пара. Затем раздался громopodobный звук, и температура воздуха поднялась так быстро, что автобус, словно термометр, торчащий изо рта больного лихо-

Квинт надул губы. Ему совершенно не нравилась эта песня. Но это было не важно – ребята вовсе не собирались прекращать петь, автобус всё так же весело покачивался под их пение, и всё у всех (кроме Квинта) было замечательно, пока они не доехали до большой деревянной арки с блестящей медной вывеской. Чашек прижался лицом к оконному стеклу и прочитал:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЛАГЕРЬ ВОППЛЕР-
КРИК

4. Вот это и есть лагерь?

– Приехали! – закричали хором все ребята, встали со своих мест и исполнили традиционный танец прибытия в лагерь.

Конечно, больше всех волновался Чашек. Он пронёсся по потолку, потом по проходу, оставив за собой огненный след, и пробил заднюю стенку автобуса. Когда остальные ребята выглянули в большую дыру размером с Чашека, они увидели, что тот стоит на четвереньках и целует землю.

– Ах, Вопплер-Крик! – повторял он. – М-м-м-УА! М-м-м-УА! М-м-м-УА!

То была самая сладкая земля, что ему доводилось пробовать; закончив с приветствиями, он с улыбкой поднялся на ноги. А потом выплюнул червяка.

– Эй, ты чего удумал? – крикнул ему червяк, яростно хмурясь и очень грубо фыркнув, исчез в своей норе.

«*О нет*», – подумал Чашек. Он уж точно совсем не так хотел начать своё летнее приключение (а уж червяк-то как был

недоволен!), но это было неважно. Он приехал в лагерь своей мечты, и всё стало просто замечательно. Сейчас он наконец-то повернётся и впервые увидит прославленный лагерь Вопплер-Крик своими глазами!

Он сделал глубокий вдох.

– Это... это... это...

– Это катастрофа, – проговорил Кружек.

И, к сожалению, он был прав.

Бедняга Чашек. Он стоял, не в силах сдвинуться с места, и разочарованно разглядывал пейзаж. Лагерь несколько не напоминал его сны наяву. Не было здесь ни неоновых вывесок, ни многоэтажных домиков, ни хорошо воспитанных медведей, подающих ананасы на серебряных подносах. Его ждали заколоченные окна, сорняки ростом с хороший кукурузный стебель и мусор, который почему-то валялся везде, кроме собственно мусорного бака.

– Ух ты, настоящий город-призрак, – сказала Чаша. Не только потому, что лагерь действительно выглядел как настоящий город-призрак, но ещё и потому, что увидела настоящего призрака.

Он сидел на скамейке и читал утренний выпуск «Самых ужасных новостей» (это единственная газета, которую любят привидения). Не желая показаться невежливой, Чаша подошла и поздоровалась.

– Добрый день, – сказала она. – Мы просто...

– Вечер, – перебил призрак.

– Что, простите?

– Сейчас не день, а вечер, – ответил он и продолжил читать газету.

Чаша нахмурилась. Она уже позабыла, как могут раздражать привидения, – то скрипят половицами, то звенят цепями, то поправляют ошибки в речи. Бесит просто! Конечно же, Чаша знала о привидениях всё, ибо и сама отчасти принадлежала к миру духов, но это уже совсем другая история.

– Хорошо. Добрый *veeeeeeeечер*, – сказала она, нарочито подчеркнув это слово. – В общем, мы только что приехали на автобусе, и нам хотелось бы что-нибудь узнать о лагере. Вы здесь живёте?

– Я привидение. Я нигде не *живу*, – сказал призрак.

Чаша закусила нижнюю губу.

– Я имею в виду не «живёте» в смысле «вы живой», – ответила она. – Просто подумала, что вы, может быть, знаете, куда нам сложить вещи. Мы приехали сюда на новую смену.

– На смену?!

Призрак побелел как полотно. А может быть, и нет – с привидениями это понять довольно сложно.

– Нет-нет-нет, это невозможно! – сказал он. – Этот лагерь занят, и делить его мы ни с кем не намерены.

– «Мы»? – смутилась Чаша.

– Конечно, *мы*, – ответил он. – Я здесь со своим отрядом. Мы фантом-скауты.

Если вы никогда не слышали о фантом-скаутах (а вы, ско-

рее всего, не слышали), то это организация, которая зачем-то заставляет привидения больше бывать на природе. Зачем, Чаша так и не поняла – привидения ведь ненавидят солнечный свет, а свежий воздух им вообще не нужен, но раз уж они из-за этого хоть на время покидают город, она была совсем не против.

Но она была резко против того, что они захватили её лагерь.

– Это нечестно! – воскликнула она. – Мы с друзьями проделали такой долгий путь!

– Ну, значит, вам повезло как утопленникам, – ответил призрак. – Мы приехали первыми. К тому же у нас и путёвки есть. И ещё: правильно не «мы с друзьями», а «я и мои друзья». Это никак не связано с ситуацией в лагере, но меня как-то напрягает.

Ой-ой-ой. Ну всё. Чаша хмурилась, пока её глаза не сузились настолько, что стали шириной с прорези для монет, а лицо красным, как перец. Если какой-то призрак-всезнайка думает, что может ей указывать, как говорить и что говорить, и где ей проводить лето, он совершает большую ошибку.

Она устремила на бестактного бесплотного брюзгу свой самый свирепый взгляд.

– Слушай, раз уж ты такой вумный, как вутка, – проговорила она сквозь стиснутые зубы. – **МЫ С ДРУЗЬЯМИ** устали! **МЫ С ДРУЗЬЯМИ** голодны! **МЫ С ДРУЗЬЯМИ** ждали этого целый год, и **МЫ С ДРУЗЬЯМИ** будем жить здесь, в

лагере Вопплер-Крик!

Батюшки-светы. Такого порыва чувств от Чаши никак нельзя было ждать – она очень гордилась тем, что никогда не грубит незнакомцам, даже привидениям, которые жутко раздражают. Но, посмотрев на бесплотную фигуру, Чаша заметила, что призрак вовсе не оскорблён её словами – более того, он, кажется, обрадовался.

– Ты сказала «Вопплер-Крик»? – спросил он.

Чаша удивлённо подняла бровь.

– Если и да, то что?

– То есть это не лагерь Жуттер-Крик?

– Жуттер-Крик? – переспросила она. – Нет, конечно.

– О, слава страху, и да будут велики глаза его! – воскликнул призрак, вскочил со скамейки и бросился к ближайшему домику. – Эй, друзья, хорошая новость! Мы попали не в тот лагерь!

И едва эти слова слетели с его уст, Чаша услышала громкий шум по ту сторону стены: визги, вопли и завывания. Привидения, конечно, всё время так делают, но очень редко эти крики бывают настолько радостными. Через мгновение духи всех форм и размеров вылетели из домика через трещины, щели и водосточные трубы, быстро-быстро собрали вещи и загрузились в призрачный автобус.

Да, кстати, на стоянке действительно был припаркован призрачный автобус.

– Надеюсь, вам понравится в этом лагере, – сказал при-

зрак, забираясь в странную парящую над землёй машину. – Хотя меня лично сюда можно будет снова затащить только через мой труп.

И с этими словами бесплотные туристы поплыли вниз по дороге, к лагерю Жуттер-Крик, в который привидения хотят попасть, даже если это будет последним, что они сделают в загробной жизни. Автобус уже почти исчез вдаль, но тут из окна высунулась маленькая улыбающаяся голова.

– А, вот ещё что! – крикнул призрак. – Опасайтесь проклятия горы!

Потом он весело помахал на прощание всему отряду – кроме Кружека, который забился в свой же рюкзак.

Чашек закатил глаза.

– Да не слушай ты этого глупого призрака, он просто пытается нас напугать, – сказал Чашек, вытаскивая брата за ноги. – Я же тебе говорил, это просто дурацкая байка. А теперь пойдём. Если мы хотим, чтобы наше лето было полно веселья и приключений, пора уже начинать!

Добрый, милый Чашек. Он всегда искал в ситуации что-нибудь хорошее, даже если найти это очень трудно. И несмотря ни на что он верил в слова Старины Чайника, что лагерь Вопплер-Крик – самый чудесный лагерь в мире. Нужно просто присмотреться повнимательнее, вот и всё. Хотя, что скрывать, было бы неплохо, если бы кто-нибудь рассказал, что здесь к чему и почему.

– Пс-с-с-с-с-ст, – раздался чей-то шёпот.

Чашек огляделся, но вокруг никого не было. Затем шёпот снова вернулся, и на этот раз Чашек с Кружеком поняли, что он доносится из обшарпанного домика, дверь которого приоткрыта где-то на дюйм. И из-за двери на них таращился глаз.

– Эй, вы, – шепнул глаз. – Привидения ушли?

– Да, только что ушли, – ответил Чашек.

Дверь вдруг распахнулась, и братья оказались лицом к лицу с большим и очень дружелюбным компасом.

– О, это замечательно, просто замечательно! – воскликнул компас. – Эти призраки просто ужасные. Всё время поправляли меня – мол, я говорю неправильно! Но теперь-то всё в порядке. Позвольте представиться. Я Север Нетám, директор лагеря.

«Директор лагеря!» – подумал Чашек. Это всё меняет. Уж директор лагеря-то точно позаботится, чтобы они провели лучшее лето в своей жизни – для этого же директора и нужны! Обрадовавшись, он созвал остальных. Директор оглядел их, расхаживая туда-сюда, словно проводил инспекцию.

– Значит, это вы новый отряд? – громко спросил он. – О, какая замечательная группа! Я буду первым, кто поприветствует вас в лагере Вопплер-Крик, самом великолепном лагере на свете!

Вот это уже другое дело. Ребята дружно заулыбались – даже Чаша, которая раздумывала, почему же в этом самом великолепном в мире лагере так мало, ну, великолепия.

И она вновь посмотрела на обветшалые домики.

– М-м-м, директор, – неуверенно сказала она. – Поймите меня правильно, у вас тут замечательное место, но мне вот интересно... у вас не было недавно пожара? Или наводнения? Или землетрясения?

– Или проклятия? – добавил Кружек.

Чашек сморщился, словно проглотил горькую пилюлю.

– Ненадус проклятус, – пробормотал он.

Но Нетам лишь улыбнулся.

– А, ты про то, как здесь всё выглядит, – засмеялся он. – Пусть тебя это не обманет. Нам нравится такая суровая, спартанская атмосфера. Это усиливает чувство приключения! А все эти трещины, щели и выщербины? Они лишь придают этому месту характер!

– Ох, никогда в жизни не видела столько характера в одном месте, – протянула Чаша.

– Именно! – согласился Нетам. – А теперь пойдёмте за мной, я покажу вам лагерь.

И, словно мама-утка – утят, он повёл всю процессию по тропинке в сторону лесной чащи.

– М-м-м, директор, – сказал Талли-черепаха, – лагерь разве не там? – И кивнул в противоположную сторону – там, где стояли все домики, здания и прочие сооружения, из которых обычно состоит лагерь.

– О, точно, – ответил Нетам, почесав в затылке. – Должно быть, опять всё перенесли, а мне не сообщили.

Он схватился за свою большую остроконечную стрелку (которая и даёт компасам обострённое чувство направления) и направил её в противоположную сторону. Затем как ни в чём не бывало он отвёл группу назад в лагерь, и они прошли в столовую.

Там царил жуткий беспорядок. Чашек наморщил нос.

– Пахнет тут как-то... – пробормотал он.

Из кухни тут же выскочила здоровенная луковица. Лук был готов разрыдаться.

– Э-э-э... хорошо, – быстро добавил Чашек. – Да, точно, пахнет тут как-то, м-м-м, хорошо!

Лук тихо всхлипнул, потом протёр глаза уголком фартука. Чашек искренне надеялся, что не задел ничьих чувств, но ещё больше он надеялся, что ужасный запах исходит не от их обеда.

– Отряд, это Чиполли Лукки, – объявил Нетам. – Наш повар-кашевар.

– Я так рад всех вас видеть, – срывающимся голосом проговорил Чиполли. – Я знаю, что у нас будет с-самое л-лучшее ле... ле... ЛЕТОООООООООООООО!

Слёзы хлынули из его глаз двумя радостными реками, что, впрочем, было вполне ожидаемо (как мы все знаем, луковицы никогда не упускают случая всласть поплакать), и Чиполли быстро убежал обратно в кухню.

– А вот этот малый, – продолжил Нетам, показывая на фигуру, сидящую за одним из столиков, – ваш вожатый, Гвоз-

дика Ганье.

Ганье поднялся на ноги. Выглядел он устрашающе – высокий, сурового вида цветок с бегающими глазками и ярко-оранжевыми лепестками.

– Так, слушайте сюда, и слушайте хорошенько! – приказал он отряду. – Этим летом нам будет весело. Слышали меня? ВЕ-СЕ-ЛО! А если кому-то невесело, будете отвечать передо мной, ясно?

Чашек сглотнул. То была самая гневная зажигательная речь из всех, что ему доводилось слышать. На самом деле он всегда считал, что веселиться очень важно, но, пожалуй, впервые веселье подавалось как вопрос жизни и смерти.

Затем Нетам попросил всех рассестся по местам. Из кухни снова вышел Чиполли, держа в руках большую серебряную кастрюлю. Он начал накладывать из неё непонятное вещество, которое Чашек опознать не смог, хотя он был довольно-таки уверен, что это какая-то бурда. Они с Кружеком ткнули в неё ложками. Даже это действие казалось опасным, а уж о том, чтобы есть, не стоило даже и думать.

– Так, раз уж мы пообедали и познакомились, полагаю, вам интересно будет посмотреть на ваши домики. Пойдёмте со мной, – сказал Нетам и уверенными шагами направился в кухню.

Чиполли Лукки развернул его.

– А, они теперь вон там... – пробормотал директор, развернул свою стрелку и вышел через главный вход.

Отряд проследовал за ним к длинному ряду деревянных домиков... о, сколько же в них было характера!

Из первого домика, например, открывался замечательный вид на звёзды, потому что крыша у него попросту отсутствовала. Второй домик покачивался, словно вагонетка на американских горках. Третий был таким холодным, что в нём вода замерзала, четвёртый – обжигаяще горячим, в пятом постоянно капало из крана. Что именно капало, сказать было трудно, но оно уже прожгло дырку в дне ванны.

Была, впрочем, и хорошая новость: домик Чаши оказался почти нормальным, не считая клубков пыли. К сожалению, Чаша их пересчитала. Двести четырнадцать из них были похожи на зайчиков, одиннадцать – на белочек, две – на коров, а замыкал процессию пылевой бизон по имени Пылюх.

– О, думаю, мы с ними уживёмся, – сказала она.

Из угла послышался смешок. Повернувшись туда, ребята увидели паучиху. Та выткала паутиной: «*Ты пожалеешь!*»

– Хм-м-м, – протянул Нетам. – Похоже, надо будет добыть где-нибудь метлу. Подметёшь хорошенько, и в комнате будет замечательно. Ну, нам пора!

Чашек и Кружек распрощались с Чашей и пошли по тропинке к следующему домику.

– Вот мы и пришли, – сказал Нетам, открывая дверь.

Кружек осторожно заглянул внутрь. Он был почти уверен, что на него сейчас выскочат летучие мыши, или бражники, или росянки, но ничего такого не увидел. Внутри спокойно

стояла двухъярусная кровать.

– Чур, внизу сплю я! – закричал Кружек и бросил рюкзак на матрас.

К-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-Р-РАК!

Верхний ярус тут же грохнулся на нижний, расплющив рюкзак как спелую виноградину.

– Ну, или наверху, – сказал он. – Верхний ярус тоже пойдёт.

Чашек пропустил его слова мимо ушей.

– Как хочешь. Я посплю вот тут.

Он прошёл в дальний конец комнаты, к удобному на вид гамаку, и приготовился в него улечься. Но прежде чем он успел плюхнуться на сетку, длинные, тонкие верёвки распутались, попадали на пол и с шипением поползли прочь. Как вскоре понял Чашек, это вообще был не гамак, а клубок дремавших змей. И, поскольку змеи редко бывают дружелюбными (а если их невежливо разбудить – то и вовсе никогда), они выползли за дверь, даже не попрощавшись.

– Ну, я пойду. Приятных снов, – сказал Нетам, вышел на улицу и начал расставлять перед домиком мышеловки.

Братья внимательно следили за ним.

– Ох, сколько тут ловушек, – заметил Чашек. – У вас что, проблемы с мышами?

– Они не для мышей, – объяснил Нетам. – Они для Га-ден...

Он вдруг осёкся.

– «Гаден»... кого? – спросил Чашек.

– О, никого! – ответил Нетам. – Просто на природе надо всегда быть осторожным.

Он продолжил расставлять мышеловки, а потом, закончив, пошёл к другим домикам и проделал там то же самое, потому что он – директор лагеря, а все директора лагерей должны так делать.

5. Директор Нетам, тут что-то не то!

На следующее утро, когда оранжевое солнце ещё только выглядывало из-за горизонта, по лагерю размашистыми шагами прошла одинокая тень и устроилась на насесте. То был петух, трудолюбивый будильник самой природы; он гордо поднял голову, выпятил грудь и...

– ЭЙ! ПРОСЫПАЙТЕСЬ, ЛЕНИВЫЕ ОЛУХИ! – закричал он.

Крик был очень громким, как обычно у петухов, и Чашек выскочил с нижней кровати, словно горячий хлеб из тостера. И вовремя, потому что буквально через долю секунды...

КР-Р-Р-Р-РАК! ТР-Р-Р-Р-РАХ! БАБАХ!

...сверху свалился Кружечк.

– Доброе утро, Чашек, – сказал он, зевая, и слез с большой кучи обломков кровати. – Что будем сегодня делать?

– Всё, – ответил Чашек.

И он говорил чистую правду. В конце концов, у них был всего один шанс провести своё первое утро в лагере

Вопплер-Крик, и он хотел получить от него всё возможное. Братья наперегонки бросились к раковине, отпихивая друг друга, чтобы умыться и совершить обычные утренние ритуалы. Кружек, как обычно, привязал полотенце к заводному самолётику, который влетел ему в ухо, долго жужжал внутри головы, а потом – *ЧПОК!* – вылетел из другого уха. Что же касается Чашека, то он сунул в рот кусок мыла и начал шипеть, пузыриться и подпрыгивать, словно миниатюрная стиральная машинка. Потом, когда с его лба исчезли, сменив друг друга, надписи *ЗАМАЧИВАНИЕ*, *СТИРКА* и *ОТЖИМ*, он прополоскал горло, сплюнул и вытер рот рукавом.

Вот так-то лучше. Умывшись и приведя себя в порядок, ребята запрыгнули в свои ботинки и побежали навстречу миру волнений, приключений и...

ЩЁЛК!

ЩЁЛК!

ЩЁЛК!

Мышеловок.

– Смотри, Чашек, – сказал Кружек. – Нетам забыл забрать мышеловки.

– И не говори, – ответил Чашек, снимая металлический зажим с носа.

Он, собственно, был покрыт мышеловками с ног до головы, и, снимая каждую из них, тихо вскрикивал «ой». Вы бы тоже вскрикивали, потому что мышеловки, видите ли, не самые приятные вещицы. Чашек искренне не понимал, что та-

кого в них находят сами мыши.

И тут Кружек увидел, что к ним по тропинке спешит Чаша. В руках она держала толстые серые диски, вылепленные, судя по виду, из глины.

– Стрельба по тарелочкам? – спросил Кружек.

Чаша покачала головой.

– Завтрак, – сказала она. – Чиполли испёк блинчики.

Она подняла один из жутких блинов на вытянутой руке и бросила его на землю. Он рухнул с таким грохотом, словно на самом деле этот блин сняли со штанги, а не со сковородки.

– Батюшки-светы! – воскликнул Кружек.

Но Чашек лишь пожал плечами.

– Ну, я как-то не очень хотел блинчиков, – сказал он. – И вообще, кто будет думать о еде, когда нас ждёт лучший день в жизни?

Все согласились, что это очень хороший довод, и, несмотря на весьма шумные возражения своих желудков, вообще позабыли о еде и отправились на поиски идеального дня. Вскоре они наткнулись на своих одноклассников, Талли и Джинджер.

– Доброе утро, Чашек. Доброе утро, Кружек. Доброе утро, Чаша, – сказал Талли, одна из самых вежливых черепах, когда-либо вылезших из панциря. – Мы идём собирать дикую чернику.

Кружек вытаращил глаза.

– Хочешь сказать – в лес? – спросил он.

Талли кивнул.

– Да ты что? Ты разве не знаешь, что там опасно? – добавил Кружек, качая головой. – Не боишься встретить гаденбудена?

– А что это такое? – спросила Джинджер.

– Не знаю, – ответил он, – но совершенно уверен, что это что-то ужасное. Вот, возьми для защиты. – Кружек протянул ей блинчик.

Джинджер убрала его в корзину. Трое друзей распрощались с ней и пошли дальше по дорожке. И вдруг они услышали громкий, пронзительный звук.

ФЬЮЮЮЮЮЮЮЮЮЮЮЮЮТЬ!

То был Гвоздика Ганье. Он разглядывал планшет с бумагами и свистел, словно взбесившийся товарный поезд – потому что именно так должны делать все вожатые.

– Так, слушайте сюда, – сказал он толпе ребят, собравшейся вокруг него. – Моя работа – взять жалкую кашницу, то есть вас, и слепить из неё жестокую, безжалостную машину для отдыха. Здесь, на природе, есть два способа всё делать: ПРАВИЛЬНО и ВЕ-СЕ-ЛО. И мы будем всё делать ВЕ-СЕ-ЛО.

Чашек напряг слух. Звучало весьма многообещающе.

– ВЕ-СЕ-ЛО – значит *ВЕ... СЕ... ЛО*, – продолжил Ганье. – *ВЕ* – верьте в себя и думайте сами. *СЕ* – семеро одного не ждут, он сам должен решать свои проблемы. *ЛО* – если вы не хотите, чтобы терпение вожатого *ЛО*-пну-*ЛО*, не беспокойте его, у него и без вас полно дел. Новые свистки сами себя не

откалибруют, знаете ли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.